

ГРУБЕЕ САРАНЧИ

— Хуйня,— сказал он.— Устал я от художеств. Пойдем выйдем. Я устал от вони краски, устал быть великим. Ждать смерти устал. Пойдем выйдем.

— Куда? — спросила она.

— Хоть куда-нибудь. Поедим, выпьем — посмотрим.

— Йорг,— сказала она.— Что я буду делать, когда ты умрешь?

— Жрать будешь, спать, ебстись, ссать, срать, наряжаться, гулять и гундеть.

— Мне надежность нужна.

— Всем нужна.

— Мы ж не женаты. Я даже твою страховку не получу.

— Не страшно, не переживай. А кроме того, Арлин, ты ведь сама против брака.

Арлин сидела в розовом кресле и читала вечернюю газету.

— Ты говоришь, с тобой хотят переспать пять тысяч женщин. А мне куда деваться?

— Пять тысяч и одна.

— По-твоему, я себе другого мужика не найду?

— Нет, это как раз легко. Ты себе другого найдешь за три минуты.

— По-твоему, мне нужен великий художник?

— Нет, не нужен. Сойдет и хороший сантехник.

— Да, если будет меня любить.

— Само собой. Одевайся. Пойдем выйдем.

Они спустились по лестнице с мансарды. Вокруг — сплошь дешевые углы, тараканами кишат, но никто вроде не голодает: такое впечатление, будто вечно что-то варят в больших кастрюлях, а сами вокруг сидят, чистят ногти, пиво пьют из банок или пускают по кругу высокую синюю бутылку белого вина, орут друг на друга, смеются, пердят, рыгают, чешутся или дремлют перед телевизором. На свете не много людей с большими деньгами, но, судя по всему, чем меньше денег у людей, тем лучше эти люди живут. Им нужны сон, чистые простыни, еда, выпивка, мазь от геморроя — и все. И двери у них всегда приоткрыты.

— Дурачье, — сказал Йорг, когда они спускались по лестнице. — Транжирят свою жизнь и засоряют мою.

— Ох, Йорг, — вздохнула Арлин. — Ты же просто не *любишь* людей, правда?

Йорг вздернул бровь, не ответил. На его чувства к массам Арлин всегда отвечала одинаково: как будто не *любить* людей — непростительный душевный недостаток. Но ебаться с ней было отлично, а сожительствовать — приятно; почти всегда.

Они вышли на бульвар и зашагали дальше: Йорг со своей седой рыжей бородой, ломаными желтыми зубами, вонью изо рта, багровыми ушами, испуганным взглядом, в захезанном драном пальто, в руках — трость с набалдашником из слоновой кости. Лучше всего ему бывало, когда совсем херово.

— Блядь,— сказал он.— Все срет, пока не сдохнет.

Арлин покачивала задницей, совершенно этого не скрывая, а Йорг колотил тростью по тротуару, и даже солнце глядело на них сверху и говорило: Хо-хо. Наконец дошли до старой развалюхи, где жил Серж. И Йорг, и Серж художествовали уже много лет, но лишь совсем недавно за их работы начали платить чуть больше пороссячьих хрюков. Они голодали вместе, а слава обрушилась на них порознь. Йорг с Арлин вошли в гостиницу и стали подниматься. В коридорах смердело йодом и жареной курицей. В одном номере кого-то ебли, и этот кто-то даже не пытался ебли скрывать. Доползли до мансарды наверху, и Арлин постучала. Дверь чпокнула — за ней стоял Серж.

— Ку-ку! — сказал он. И покраснел.— Ой, извините... прошу.

— Что это с тобой? — спросил Йорг.

— Садитесь. Я думал, это Лайла.

— Ты играешь с Лайлой в прятки?

— Да это фигня.

— Серж, послал бы ты эту девчонку. Она тебе мозг ест.

— Она мне карандаши точит.

— Серж, она слишком юная для тебя.

— Ей тридцать.

— А тебе шестьдесят. Разница — тридцать лет.

— Тридцать лет — слишком много?

— Конечно.

— А двадцать? — спросил Серж, глядя на Арлин.

— Двадцать лет — приемлемо. А тридцать — непристойно.

— Поискали бы, ребята, баб своих лет, а? — спросила Арлин.

Оба на нее посмотрели.

— Шутить она любит, — сказал Йорг.

— Да, — подтвердил Серж. — Смешная. Ладно, давайте я вам покажу, что делаю...

Они зашли за ним в спальню. Серж скинул ботинки и растянулся на кровати.

— Видите? Вот так. Со всеми удобствами. — Кисти Серж посадил на длинные ручки и писал по холсту, прибитому к потолку. — Спина, понимаете. Десять минут без перерыва — и все. А так можно часами.

— А краски тебе кто смешивает?

— Лайла. Я ей говорю: «Сунь в синюю. А теперь немного зелени». У нее неплохо получается. Со временем, наверно, пусть и кистью тоже машет — а я буду валяться, журналы читать.

Слестницы донесли шаги Лайлы. Она открыла дверь, прошла через первую комнату, заглянула в спальню.

— Ого, — сказала она. — Я гляжу, старый ебила за кисть взялся.

— Ну, — сказал Йорг. — Говорит, ты ему спину попортила.

— Ничего я не говорил такого.

— Пойдемте поедим, — сказала Арлин.

Серж застонал и поднялся.

— Вот ей-богу, — сказала Лайла. — Только валяется, как больная жаба, и больше ничего.

— Мне выпить надо, — сказал Серж. — И я опять буду как огурчик.

Вместе они вышли на улицу и направились к «Овечьему рунцу». Подбежали два молодых человека, не старше тридцатника. Оба — в свитерах под горло.

— Эй, вы же художники — Йорг Свенсон и Серж Маро!

— Прочь на хер с дороги! — сказал Серж.

Йорг размахнулся тростью. Молодому человеку, что был пониже, попал точно по колену.

— Блядь, — сказал молодой человек, — вы же мне ногу сломали!

— Очень на это надеюсь, — ответил Йорг. — Может, будешь повежливей!

Подшли к «Рунцу». Едоки загудели, когда компания вступила внутрь. К ним моментально кинулся метрдотель — кланялся и размахивал веером меню, улещивал по-итальянски, французски и русски.

— Ты глянь, какие длинные черные волосы у него в носу, — сказал Серж. — Тошнит, честное слово!

— Да, — ответил Йорг и заорал метрдотелю: —
НОС УБЕРИ!

— Пять бутылок лучшего вина! — завопил
Серж, когда они уселись за лучший столик.

Метрдотель испарился.

— Ну вы и засранцы, — сказала Лайла.

Йорг погладил её ляжку изнутри.

— Двум живым бессмертным излишества по-
зволятельны.

— Йорг, убери лапу с моей пизды.

— Она не твоя. Это пизда Сержа.

— Убери лапу с пизды Сержа, а то закричу.

— Воля моя слаба.

Она закричала. Йорг убрал руку. Метрдотель
подкатил к ним тележку с ведерком, в ведерке —
охлажденные бутылки. Подъехал, поклонился, вы-
тащил одну пробку. Налил Йоргу. Тот махом вы-
пил.

— Моча, но сойдет. Открывай!

— Все?

— Все, придурок, и *побыстрей* давай!

— Какой неуклюжий, — сказал Серж. — Ты по-
гляди. Обедать будем?

— Обедать? — спросила Арлин. — Вы же толь-
ко пьете. Я, по-моему, ни разу не видела, чтоб вы
ели. Только яйца всмятку.

— Сгинь с глаз моих, трус, — велел Серж метр-
дотелю.

Метрдотель сгинул.

— Нельзя так с людьми разговаривать, ребя-
та, — сказала Лайла.

— Мы свое уже уплатили, — ответил Серж.

— У вас права такого нет, — сказала Арлин.

— Наверно, — сказал Йорг, — но так интереснее.

— И как вас люди только терпят? — спросила Лайла.

— Люди терпят то, что терпят, — ответил Йорг. — И похуже вытерпят.

— Им только ваши картины нужны, а больше ничего, — сказал Арлин.

— Мы *сами* — наши картины, — сказал Серж.

— Бабы дуры, — заметил Йорг.

— Ты потише, — сказал Серж. — Они еще бывают способны на кошмарную месть...

Просидели пару часов — пили вино.

— Человек грубее саранчи, — наконец произнес Йорг.

— Человек — сточная труба вселенной, — сказал Серж.

— Ну вы и засранцы, — сказала Лайла.

— Еще какие, — подтвердила Арлин.

— Давай сегодня махнемся, — предложил Йорг. — Ты выебешь мою пизду, а я твою.

— Ох нет, — сказала Арлин. — Только не это.

— Ну да, — подтвердила Лайла.

— Творить охота, — сказал Йорг. — Пить скучно.

— Мне тоже творить охота, — сказал Серж.

— Пошли отсюда, — сказал Йорг.

— Послушайте, ребята, — сказала Лайла. — Вы же по счету не расплатились.

— *По счету?* — завопил Серж. — *По-твоему, мы станем платить за это пойло?*

— Пошли, — сказал Йорг.

Пока они вставали, подскочил метрдотель со счетом.

— *Пойлоу тебя смердит,* — завопил Серж, подпрыгивая на месте. — *Как только язык поворачивается просить денег за эту дрянь? Вот тебе — чтоб знал, что это моча!*

Серж схватил недопитую бутылку, рванул сорочку на груди метрдотеля и вылил вино ему за пазуху. Йорг держал трость наготове, будто меч. Метрдотель как-то стушевался. Молоденький красавчик такой, длинные ногти и дорогая квартира. Он изучал химию, а однажды занял второе место на оперном конкурсе. Йорг размахнулся тростью и заехал ему прямо под левое ухо. Метрдотель очень побелел и качнулся. Йорг стукнул его еще три раза в то же место, и парень рухнул.

Вышли они все вместе — Серж, Йорг, Лайла и Арлин. Все были пьяны, однако держались достойно — чувствовалось в них что-то особенное. Вышли на улицу и по этой улице зашагали.

Происходившее наблюдала молодая пара за столиком у дверей. Молодой человек смотрелся интеллигентно — все портила лишь крупноватая родинка у самого кончика носа. Его подруга в темно-синем платье была толста, но мила. Когда-то ей хотелось уйти в монахини.

— Великолепные люди, правда? — спросил молодой человек.

— Козлы, — ответила девушка.

Молодой человек махнул официанту, чтобы принесли третью бутылку вина. Предстояла еще одна трудная ночь.

ОРИ, ГОРЯ

Генри налил и выглянул в окно: жаркая и голая голливудская улица. Господи боже, столько мучиться, а по-прежнему загнан в угол. Дальше только смерть — она всегда ждет. Какая дурацкая ошибка — он купил номер самиздатской газетки, а там до сих пор боготворят Ленни Брюса. Снимок его мертвого, сразу после передоза*. Ладно, времена-ми Ленни бывал забавен: «Не могу кончить!» — это шедевр, но обычно он лажал. Его преследовали, ну да — и физически, и духовно. Ну а что, все мы умираем, дело просто в математике. Что тут нового? Проблематично дожидаться. Зазвонил телефон. Подруга.

* Ленни Брюс (Леонард Альфред Шнайдер, 1925–1966) — американский комик, культовая фигура андерграунда середины XX в. 3 августа 1966 г. был найден мертвым на полу в ванной у себя дома. Негативы официальной фотографии — его обнаженный труп и наркотическая параферналия рядом — были впоследствии куплены у фотографов его другом продюсером Филом Спектором, чтобы ограничить распространение снимков в прессе.

— Слушай меня, сукин сын, я устала от твоего пьянства. Мне и отца моего хватало...

— Ох черт, да все не так уж плохо.

— Достаточно, и с меня уже хватит.

— Я тебе говорю, ты преувеличиваешь.

— Нет, с меня довольно, слышишь меня, довольно. Я видела, как ты на вечеринке все время виски требовал, тогда-то я и ушла. Хватит с меня, я больше не намерена терпеть...

Она повесила трубку. Генри налил себе скотча с водой. Зашел со стаканом в спальню, снял рубашку, штаны, ботинки, носки. Лег в одних трусах со стаканом. Без четверти полдень. Ни честолубия, ни таланта, ни просвета. От падения на дно его спасало лишь чистое везение, это никогда не надолго. Ну что, жалко, что так с Лу вышло, но ей-то нужен чемпион. Генри махнул стакан и вытянулся на кровати. Взял «Сопrotивление, бунт и смерть» Камю...* прочел несколько страниц. Камю говорил о мучениях и ужасе, о человеческом убожестве — но говорил так уютно, так цветисто... язык у него... как будто ни на него самого это не действовало, ни на его стиль. Иными словами, у него самого все могло быть прекрасно. Камю писал так, будто плотно покушал только что: стейк, жареная картошечка, салатик, а заполировал ужин бутылочкой хорошего французского винца. Человечество, может, и стра-

* «Сопrotивление, бунт и смерть» (1960) — англоязычный сборник эссе французского писателя-экзистенциалиста Альбера Камю (1913–1960), выпущенный издательством «Рэндом-хаус».

дает, а он — ничуть. Мудрый, вероятно, человек, но Генри предпочитал тех, кто орет, горя. Генри выронил книжку на пол и попробовал уснуть. Спать ему всегда было трудно. Если удавалось поспать часа три из 24 — хорошо. Что ж, подумал он, стены вокруг еще стоят, а дай человеку четыре стены — и у него есть шанс. Вот на улице уже ничего не сделаешь.

Позвонили в дверь.

— Хэнк! — заорал кто-то. — Эй, Хэнк!

«Что за поебень? — подумал он. — Ну чего еще?»

— Ну? — спросил он, лежа в одних трусах.

— Эй! Ты чего там делаешь?

— Минуточку...

Генри встал, поднял штаны и рубашку, вышел в переднюю комнату.

— Ты чего делаешь?

— Одеваюсь...

— Одеваешься?

— Ну.

Десять минут первого. Генри открыл дверь. Преподаватель из Пасадины, учит английской литературе. И с ним — красотка. Препод красотку представил. Редакторша в крупном нью-йоркском издательстве.

— Ах ты, милашка, — сказал Генри, шагнул и цапнул ее за правое бедро. — Я тебя люблю.

— Быстрый вы, — сказала она.

— Ну, знаешь, писателям всегда приходится издателю жопу лизать.

— Я думала, наоборот.

— Нет. Голодает же писатель.

— Она хочет твой роман посмотреть.

— У меня только в переплете. Я не могу ей первое издание отдать.

— Пусть посмотрит. Может, купят,— сказал препода.

Говорили они о романе «Кошмар». Генри заподозрил, что ей просто хочется книжку бесплатно.

— Мы ехали в Дель-Мар, но Пэт вот захотелось тебя воочию увидеть.

— Как мило.

— Хэнк моим студентам свои стихи читал. Мы ему заплатили пятьдесят долларов. Он боялся и плакал. Пришлось вытолкнуть его на кафедру.

— Я был вне себя. Всего пятьдесят долларов. Одну, бывало, и две тысячи долларов платили. А он, по-моему, не настолько лучше меня. Вообще-то...

— Да, мы твое мнение знаем.

Генри собрал старые программы скачек из-под ног редакторши.

— Мне должны одну тысячу сто долларов. А стребовать не могу. Секс-журналы обнаглели. Я с одной секретаршей там познакомился. Некто Клара. Звоню: «Алло, Клара? Ты сегодня хорошо позавтракала?» «О да, Хэнк, а ты?» «Еще бы,— отвечаю,— два яйца вкрутую». «Я,— говорит,— знаю, зачем ты звонишь». «Ну да,— говорю,— за тем же самым». «Ну вот передо мной лежит ордер девятьсот восемьдесят четыре тысячи семьсот